

БРОШЕННАЯ В БЕЗДНУ

О Т Р Ы В К И И З Р О М А Н А

ОРХАН КЕМАЛЬ

Автор романа «Брошенная в бездну» Орхан Кемаль — один из крупнейших писателей-реалистов современной Турции. Он родился в 1914 году в Джейхане (вилайет Адана), однако ранние годы провел в Сирии, куда по политическим мотивам был вынужден бежать вместе с семьей его отец. После возвращения на родину будущему писателю пришлось добывать хлеб тяжелым трудом. Официант в рабочей столовой, ученик в кустарной мастерской, писарь, фабричный рабочий, гардеробщик в театре... Разнообразие профессий помогло Кемалю познать глубины жизни своего народа.

Первая книга писателя вышла в 1949 году. Его перу принадлежит более полутора десятков романов, в которых отразилась жизнь различных слоев турецкого общества. С большой симпатией и сочувствием рисует он простых людей Турции. За свои демократические убеждения писатель был осужден на пять лет тюрьмы.

Орхан Кемаль — замечательный мастер острой фабулы. В этом смысле роман «Брошенная в бездну» занимает одно из первых мест в ряду его произведений. Выпущенный издательством «Ак Kitabevi» (Стамбул) в 1960 году, этот роман имел шумный и заслуженный успех. Бытовая драма, составляющая его сюжетную канву, разворачивается на широком социальном фоне. Действие протекает в одном из провинциальных городов страны и в бывшей ее столице Стамбуле. Начало событий относится к 20-м годам, а последние сцены — примерно к концу 40-х годов.

...Бушующее море выбрасывает на берег труп старой женщины. Рыбаки обнаруживают утопленницу. Когда вызванные ими полицейские и врач прибывают к месту происшествия, все собравшиеся поражены: на пальце нищенки сверкает большой бриллиант.

Бриллиантовый перстень был надет на палец женщины в далекие дни ее счастья. Его приобрел в ювелирном магазине для своей жены Назан молодой адвокат Мазхар-бей.

Мазхар-бей, будучи студентом Стамбульского университета, страстно влюбился в Назан, бедную сироту, воспитанную старой теткой Алие, работницей чулочной фабрики. Девушка покорилась чувству и вошла в дом своего мужа, уже ожидая ребенка. С первых же дней невестку стала ожесточенно травить старуха свекровь, злобная и эгоистичная Хаджер-ханым.

Ничто не могло тронуть сердца этой богомольной ханжи — ни покорность и услужливость невестки, ни протесты сына. Она чернила Назан перед мужем, перед людьми и даже перед ее маленьким сыном Халдуном. Хаджер-ханым взяла себе в сообщники некоего Рызу — бездельника, картежника и мелкого жулика, а также его жену Наджие.

Рыза добивается покровительства Мазхар-бея, который устраивает его официантом в бар «Джейлан». В этом баре, где ищет отдохновения Мазхар-бей, уставший от домашних неурядиц, адвокат знакомится с девицей Жале, по паспорту — Нериман.

Нериман — натура незаурядная. Она оказалась в роли девицы из бара потому, что не пожелала смириться с затворничеством, на которое ее обрекал брак с богатым торговцем, ханжой и скопидомом.

Увлечение перерастает у Мазхар-бея в страстную любовь. Одновременно Хаджер-ханым подстраивает мнимое исчезновение бриллиантового кольца и с помощью Наджие подсовывает перепуганной Назан «заколдованный» амулет, а потом подстрекает сына захватить жену врасплох. Мазхар-бей, человек передовых взглядов, глубоко возмущен поведением жены и дает ей развод на срок от трех до девяти лет. По шариату, если в течение этого срока муж даст согласие, жена может вновь возвратиться в его дом.

Итак, Мазхар-бей отправляет Назан к ее тетке в Стамбул. Она едет туда с товаркой Жале, которую зовут Несрин. Большая туберкулезом Несрин продолжает дружить с покинутой Назан уже в Стамбуле. Молодая женщина не знает, что ее место в доме Мазхар-бея уже заняла Нериман.

В ПОЛОВИНЕ седьмого где-то вдали запел гудок табачной фабрики «Джибали». Матушка Алие, сгорбленная старушка со сморщенным лицом и заостренным подбородком, на котором во все стороны смешно торчали седые волоски, торопливо собиралась на работу. Пора было выходить, но она вдруг замешкалась, остановилась у постели спавшей племянницы и жадно уставилась на ее маленькую, пухлую ручку. Она не могла оторвать глаз от этой руки, на которой сверкал громадный бриллиант.

— Матушка Алие, мы опаздываем! — раздались с улицы голоса ее товаров.

Старушка вздрогнула и, накиннув на плечи ветхую шаль, тихонько выскользнула в двери.

Она жила в деревянном двухэтажном домишке, который, казалось, вот-вот рухнет. Все балки давно сгнили, кровля совсем покосилась. В этой жалкой хибарке, разделенной на клетушки — по четыре в каждом этаже, — ютилось немало рабочего люда — прядильщицы, чулочницы, трикотажницы. Никто не помнил, чтобы к дому прикасалась рука плотника, штукатура или маляра. Достаточно было случиться маленькому землетрясению или даже сильной буре — и судьба его была бы решена. Это знали все жильцы, но им некуда было деваться.

— С тех пор как приехала твоя племянница, ты совсем и не думаешь о работе, — заметила матушке Алие вязальщица Фирдес.

Другие товарки были того же мнения.

— Может, племянница привезла тебе кучу денег? — ехидно спросила одна из них.

— Не иначе! Ведь она жена солидного человека, адвоката! — вставила другая.

— Матушка Алие! А почему же столько лет она о тебе не вспоминала?

Вопросы сыпались со всех сторон. Но матушка Алие была так поглощена своими мыслями, что не слыхала голосов товаров. Молча шагала она в толпе женщин, спешивших на фабрику. Все вокруг было окутано фиолетовой дымкой. Стоял довольно сильный мороз.

«Если, — думала старушка, — к весне муж не возьмет племянницу назад, я уговорю ее продать перстеня. Ну что в нем проку? Красуется на пальце без всякой пользы! Вот если обратить эту красоту в деньги да пустить их в дело... Разве плохо, например, скажу я ей, купить несколько чулочных машин?..»

Годы тяжелого труда согнули матушку Алие почти пополам. Во рту у нее не осталось ни одного зуба. Жизнь обошлась с ней не слишком ласково. И она не собиралась делать племяннице поблажки. Кабы у Назан не было перстеня, матушка Алие, видит аллах, сдержала бы клятву и не пустила ее на порог своего дома. Многие годы все соседи слышали, как она проклинала племянницу. И как же они были поражены, когда Назан внезапно появилась в Стамбуле! Они могли бы поручиться, что незваной гостье укажут на дверь.

Но все вышло иначе. Хотя старуха и встретила племянницу очень холодно, лед скоро растаял. Она простила Назан.

Люди ломали голову: в чем тут причина?

— Почему же столько лет она не вспоминала о тебе, матушка Алие? — в который раз спрашивала ее Фирдес.

Матушка Алие продолжала отмалчиваться. Но женщины не унимались, и в конце концов она сказала:

— Да куда же ей было деваться? Бедняжка осталась совсем одна. Ведь я вам уже говорила: он не

дал ей ничего, кроме маленького чемоданчика. Даже иголки...

— Пусть она не морочит тебе голову, — сказала чулочница Зелиха. — Как же так: ей дали развод на срок от трех до девяти лет — и вдруг она приехала с пустыми руками? Быть того не может!

— Ох-хо-хо! Издали и барабан — музыка...

— И то правда! От лихой родни и недобрых соседей и аллах не убережет!

— Верно!

Женщины поднялись по булыжной мостовой к площади Бейязыт. Теперь их путь лежал вдоль университетской стены. Вдруг порыв ледяного ветра рванул платки и накидки. Женщины немного замешкались, но дело было привычное — закутались плотнее и вновь продолжали свой путь. Когда они пересекли площадь и вышли на шоссе, ведущее к Чаршыкапы, ветер немного стих.

— Я слыхала, что свекровь у нее была лютая, — возобновила разговор одна из женщин.

— Назан-то по-другому рассказывает. Свекровь будто очень ее жалела, когда все это случилось. Но я думаю, что дело было не так, — проговорила матушка Алие. — Эта баба — сущий дьявол! Злющая! Хитрющая! Я хоть там и не была, да понятно мне, что свекровь одной рукой рыла ей яму, а другой гладила по головке, приговаривала: «Доченька моя, ягненок мой!» Ишь какая ласковая! А что было все эти годы? Ведь она бросалась на Назан, как цепной пес! Племянница ничем ей не могла угодить. Даже «мамочкой» не велела себя называть! Вот и судите: могла она ни с того, ни с сего подобреть? Хитрила старуха — больше ничего!

— Матушка Алие! А может, муж Назан-ханым полюбил другую?

— Да, поговаривали и об этом. Ходили слухи, что он снюхался с какой-то девкой из бара. Но племянница этому не верит. «Он, — говорит моя Назан, — никогда не опустится до этого». Да, скорей всего, она просто хочет его выгородить. А мужчина есть мужчина! Недаром пословица говорит: «Мой отец самый чистый на свете и то в постель с женой ложится».

Все рассмеялись.

Они прошли через Чаршыкапы и, не доходя до Чеберлиташа, свернули в одну из узеньких улочек, в которую слева и справа вливались, словно ручейки, группы мужчин, женщин, детей. Толпа людей, поднявшихся на заре, все росла. Она текла уже подобно большой реке в половодье...

Было без пяти семь, когда матушка Алие и ее товарки вошли в чулочный цех. Молодые встали у маварки, а пожилые гуськом направились в маленькую боковую каморку. Здесь делали последнюю операцию: вручную зашивали мыски у чулок.

Матушка Алие, которая обычно либо чесала язык, проклиная Назан, либо зубоскалила, отпуская такие шуточки, что женщины едва не падали со смеху, сегодня была задумчива и молчалива.

— Кто бы там что ни говорил, а я сержусь на твою племянницу! — сказала ей Фирдес.

— Почему? — рассеянно спросила матушка Алие.

— Как почему? Да ведь это твоя приемная дочь! И небось ни разу не вспомнила о тетке, пока ей было хорошо. А сейчас приехала без гроша и села тебе на шею.

— Нет, дорогая, слава аллаху, у нее есть за пазухой несколько куришей.

— Тогда что тебя гложет?

Матушка Алие вздохнула и улыбнулась. Но вскоре лицо ее опять стало озабоченным.

— Ах, — махнула она рукой, — зачем скрывать от рабов божьих то, что ведомо аллаху? Я думаю о перстне. Посмотрели бы вы, какой у нее перстень на пальце.

У женщин заблестели глаза:

— Что?!

— Продать бы его, думаю, да купить несколько чулочных машин.

Глаза у женщин заблестели еще ярче.

— Вот это да!

— Значит, богатый перстень?

— Богатый! Да ему цены нет — он старинный, вроде от самого султана... Если бы она его продала! Тогда бы можно купить маленькую мастерскую. Вот было б дело!..

Каждая из них мечтала о том же самом всю свою жизнь. Даже поговорить об этом было сладко.

Так чего она тянет, почему не продает?

— Она ждет, что муж позовет обратно, — покачала головой матушка Алие.

— Эге! Если бы муж собирался жить с ней, так зачем ему было давать развод?

— Да откуда мне знать? Свекровь сказала ей: «Ты не беспокойся, самое позднее к весне или весной вернешься».

— Брешет, небось, клянусь аллахом! Врет, окаянная!

— Просто хитрит старуха. Выдумала все, чтобы легче было избавиться от Назан.

— Я ей о том же толкую. А она не верит... Если бы она меня послушала, продала бы перстень...

— А ты просила об этом?

— Заикнулась один раз, так она рассердилась. «Это, — говорит, — подарок мужа и память о ребенке». Вот дурная голова! Я бы на ее месте сразу продала и купила три-четыре машины...

— И трах-тараррах — потекли бы денежки!

— Клянусь аллахом, не прошло бы и года, как я бы завела квартиру из двух комнат с кухней.

— А я бы по-другому... Знаете, что бы я сделала?

— Что?

— Прежде всего купила бы немного земли и построила мастерскую. А над ней квартиру.

— Хорошо придумала!

— Да что две комнаты и кухня? Как там разместиться? Я бы сделала три. И комнату для омовения...

Матушка Алие слушала, не вмешиваясь в разговор. Если племянница не согласится продать перстень и купить чулочные машины, думала она, то надо хотя бы заставить ее платить за квартиру. И столоваться они будут врозь.

Вдруг словно что-то стукнуло ей в голову: «А может, у Назан водятся деньжата? Если она не хочет продавать перстень, так, наверно, на что-то рассчитывает. Кто у нее есть? Да никого. Какая-то подружка, Несрин. Ну обедом ее несколько раз накормила. А дальше что? Кто эта Несрин? Что за зверь? Назан говорит, что она больна чахоткой. Очень добрая, говорит, но чем она занимается? Мужа нет, нигде не работает, а на что, спрашивается, живет?»

Матушка Алие устала от всех размышлений и начала прислушиваться к беседе своих товарок. Они сильно горячились, обсуждая, кто же будет работать в ее мастерской.

— Кого ты возьмешь на работу? — спросила одна из женщин.

— Вас всех возьму! — с серьезным видом сказа-

ла матушка Алие. — Вас-то я знаю, чего ради нанять других?

— Ну и платить нам будешь побольше?

— Конечно, больше. Вот только дал бы аллах дожить до этого дня!

— Ты должна сделать все, чтобы обстрипать это дельце, — заговорили все вокруг. — И нас вытасишь из нищеты, и сама заживешь.

Матушка Алие опять задумалась. «Ну как же подъехать к Назан? Пока медведь на другом берегу, рано его шкуру делить. По бороде и гребень заводи. А я-то ни разу и не улыбнулась ей... Может, купить с полкилограмма пирзолы? Или сходить к ходже Бекиру за халвой с фисташками?..»

Эта мысль засела у нее в голове. Назан очень любила халву с фисташками от ходжи Бекира. «Лучше всего, пожалуй, купить полкило пирзолы и грамм двести пятьдесят халвы...»

Матушка Алие заглянула в кошелек. Денег было маловато.

— Дай мне взаймы одну лиру, — обратилась она к Фирдес. — На той неделе верну.

— Зачем тебе?

— Нужно!

— Зачем?

— Назан любит тахинную халву...

* * *

Назан проснулась от легкого постукивания в окно. Она вскочила, подбежала к двери и увидела Несрин.

— Заходите, пожалуйста! Прошу извинить, вчера я очень поздно легла и...

Несрин закашлялась, прижимая ко рту свой розовый платочек.

— Этот кашель меня вконец замучил!

Они вошли в комнату. Поспешно убирая постель, Назан спросила:

— Что случилось? Ведь Сами обещал отвести вас сегодня к доктору?

Несрин вздохнула.

— Дождешься от него, как же! Сейчас снова при деньгах, да еще каких! Вот и зазнался, совсем нос задрал!.. А ты что делала?

Назан тоже вздохнула. Глаза ее затуманились.

— Что мне делать, сестрица? Ничего не делаю. Только люди не дают покоя.

— Кто, тетка?

— Да. Заладила одно и то же: «Хитростью от тебя избавились, сыграли с тобой злую шутку! Брось свои надежды, забудь о сыне!» — Назан заплакала.

— Как же забыть свое дитя? Разве это в моих силах? Все ночи напролет я только о нем и думаю. Как вспомню про эту ночь в доме Наджие, когда его оторвали от меня... «Забудь!» Легко сказать!..

Несрин снова надолго закашлялась. Отдышавшись, она сказала:

— Одевайся! Пойдем вместе к доктору.

Назан и сама была рада уйти из этой каморки. Когда она ходила по улицам, то немного рассеивалась и меньше тосковала по сыну.

Небо нависло совсем низко, стало еще холодней.

— Ночью, наверно, пойдет снег.

— Да. Люблю я снег. Пусть падает...

— Лишь бы потом не подул южный ветер. А то здесь будет такая грязь, что не пройдешь.

1 Пирзола — баранья грудинка

На площади Бейязит они сели в трамвай. Врач, к которому ехала на прием Несрин — известный специалист по туберкулезу, — жил в Бейоглу. Но Назан очень хотелось прогуляться пешком, и она предложила сойти немного раньше.

— Тогда открой лицо, — сказала Несрин.

После некоторого колебания, Назан, побагровев от смущения, приподняла край чаршафа. Она завидовала Несрин, которая чувствовала себя совершенно непринужденно в своем нарядном манти, красиво облежавшем фигуру. «Вот бы и мне так!» — подумала Назан и огляделась вокруг. Они шли по улице Истикляль. Фигуры в чаршафах попадались совсем редко.

Сравнительно недавно на одном балу Мустафа Кемаль-паша, беседуя с группой молодых учительниц, посоветовал им сбросить покрывала. Сначала самая мысль об этом казалась дикой. Но постепенно некоторые свободомыслящие учительницы, а также кое-кто из жен чиновников последовали этому совету. И вот теперь на улицах Стамбула было уже много женщин с открытыми лицами.

— Вы только посмотрите, Несрин, как красиво!

— Конечно, красиво. Но если тебе нравятся открытые лица, почему ты сама прячешься?

— Но вы же знаете, сестрица, что в Сулеймание² без покрывала проходу не дадут. Кругом одни фанатики! Ничего не поделаешь — надо терпеть...

— Как раз вчера вечером я думала об этом, — сказала Несрин, останавливаясь.

— О чем?

— О том, чтобы предложить тебе поселиться со мной. Я собираюсь съехать со своей квартиры в Аксараяе. До бара далеко — это раз. А фанатиков в моем районе тоже хватает. Аксарай, пожалуй, не уступит Сулеймание. Я хочу подыскать что-нибудь в одном из пансионеров на Тарлабаши³. Ты согласишься бы перейти ко мне?

Назан не ответила. «Это было бы неплохо, — думала она. — Но... Если узнает муж... У района Тарлабаши дурная слава».

— И к Сами я буду поближе, — продолжала Несрин. — Хотя, собственно, на него у меня нет никакой надежды. Этому человеку я нужна только тогда, когда у него ни гроша в кармане.

Несрин и Назан продолжали беседовать вполголоса, сидя уже в приемной врача, где, кроме них, ожидали своей очереди несколько больных. Через четверть часа в приемную вошел Сами. Это был выскокий, широкоплечий мужчина, жгучий брюнет. На нем отлично сидело красивое пальто кофейного цвета. Лакированные туфли и лихо надвинутая на левую бровь феска придавали ему щегольской вид.

Сами развязной походкой подошел к женщинам и пожал им руки. От него пахло спиртным. Не спуская глаз с Назан, он что-то пробормотал о делах, которые помешали ему вовремя прийти за Несрин, и спросил:

— Как поживаете, госпожа?

Назан уже однажды видела этого человека: он встречал Несрин на вокзале, когда они вместе приехали в Стамбул. Сами ей сразу не понравился. Его вкрадчивость, стремление втереться в доверие как-то настораживали.

— Спасибо, эфенди! — отвечала она сдержанно.

— А пишет ли письма ваш эфенди?

Несрин резко повернулась к Сами и жолодно проговорила:

² Сулеймание — старый квартал Стамбула.
³ Тарлабаши — квартал Стамбула, славившийся своими публичными домами.

— Перестань прикидываться! Сколько раз я тебе говорила, что они разошлись.

— О, пардон! Каждый раз забываю. А ваш ребенок? Он продолжает вам снится?

— Разве может быть иначе, эфенди?

Видя, что Сами не спускает глаз с ее подруги, Несрин еще больше рассердилась. Назан, конечно, ни при чем. Но ей-то самой хорошо были знакомы его повадки, и она знала, что он способен на все, если взбунтуется его распутная кровь. Обычно, как только в кармане у него начинали позвякивать деньги, Сами заводил нарядную одежду и начинал увиваться за красивыми женщинами. Он был неутомим в погоне за новыми жертвами, умел прикинуться кротким и любезным, но стоило жертве попасть в его сети, и он становился наглым и бесстыдным...

Подошла очередь Несрин. Она взяла Назан под локоток, и они вместе вошли в кабинет врача. Черные брови Сами гневно взметнулись. Он понял маневр своей любовницы и, глядя ей вслед, прошептал: «Чтоб ты сдохла, чахоточная баба! Ну, погоди...»

Сами задумал подцепить Назан на свой крючок еще тогда, когда увидел ее на вокзале Хайдарпаша. Но Несрин ни разу не допустила, чтобы они остались наедине. А ему и нужно было всего несколько минут: выпросить, где живет эта разведенная жена, — и все.

Через двадцать минут обе женщины вышли из кабинета. Несрин размахивала рецептом и оживленно рассказывала, как все происходило. Доктор велел сделать рентгеновский снимок и поехать на курорт. Сами совсем ее не слушал. Снимок! Курорт! То, се! Да плевать ему на это! Пусть хоть подышает!

Они вышли на улицу Истикляль. Сами взглянул на часы и любезно осведомился у женщин:

— Что вы сейчас намерены делать?

Назан тихонько толкнула локтем Несрин:

— Мне пора домой!

Но Сами и слышать об этом не хотел.

— Помилуйте! Это просто невозможно! От меня не так-то легко отделаться!

— А чего, собственно, ты хочешь? — спросила Несрин.

— Зайдем в ресторан и перекусим.

Назан почувствовала беспокойство. А вдруг Несрин согласится! Идти в ресторан, да еще с посторонним мужчиной! Разве смеет она проявить такое неуважение к мужу? Он дал ей развод, но это не значит, что теперь их ничто не связывает. Ведь все еще может измениться, и они опять будут вместе. Что она скажет, если он узнает?

Они шли по улице Бурса, думая каждая о своем. Внезапно Сами повернул своих спутниц к двери какого-то ресторана. В этот ранний час здесь еще не было посетителей. Он быстро усадил дам за один из столиков и заказал завтрак.

Стоило поднять Назан сидела как на иголках. Стоило поднять глаза, как она тотчас же натыкалась на неотступный взгляд горящих глаз Сами и почему-то краснела. Несрин видела, что он все более наглеет, но молчала, решив, что поговорит с ним потом, дома. Однако надо было еще его туда затаскать — ведь в последнее время любовник почти совсем не показывался у нее.

— Сами! — сказала Несрин. — Я задумала перебраться на Тарлабаши. Что скажешь на это?

Он неопределенно пожал плечами. Несрин постаралась скрыть досаду и кушанья. Все принялись за еду. релкам принесенные кушанья. Все принялись за еду. Сами выпил раки и, поймав взгляд Назан, спросил:

— Не угодно ли госпоже пива?

Назан растерялась:

— Нет, что вы!

Этот мучительный для Назан завтрак все-таки кончился. Как только они вышли из ресторана, Сами покинул женщин и быстро смешался с толпой. Пройдя несколько шагов, он остановился перед витриной большого магазина неподалеку от трамвайной остановки и сделал вид, будто с интересом рассматривает выставленные товары. Ничего не подозревавшие Назан и Несрин подошли к трамвайной остановке. Прошло довольно много времени, когда наконец появился трамвай, курсирующий на линии Фатих — Харбийе.

Сами было известно, что Назан живет где-то в Сулеймание. Больше он ничего не знал. Но на какой бы улице она ни жила, все равно надо было сходить на площади Бейязит. И он решил поехать туда раньше, чем женщины. Даже если Несрин поедет провожать Назан до самого дома, он все равно выследит их издали.

Он быстро зашагал к туннелю и сел в маленький вагончик подземки. Теперь он был уверен, что устранит все препятствия и завладеет Назан. Что могло этому помешать? Деньги у него были. Он не мог пожаловаться на свою внешность. А она в конце концов всего-навсего женщина, молодая женщина, которая вдобавок рассталась с мужем. Ясно, что дело могло выгореть. Но Сами был очень нетерпелив и решил идти напролом, добиться Назан любой ценой...

* * *

— Садитесь, пожалуйста, выпьем по чашечке кофе. Вам нужно отдохнуть, — говорила Назан, сбрасывая чаршаф.

— Нет, дорогая! Не хочется. У меня почему-то тяжело на сердце.

— Зачем вы расстраиваетесь! Разве можно обращать внимание на то, что говорят доктора?

— Доктор говорит, что нужен курорт, отдых. Да какой там курорт! Какой отдых! Стоит мне неделю не поработать, и все — я должна голодать!..

Сердце Назан разрывалось от жалости. Ее охватило желание броситься на шею этой несчастной. Но она не привыкла показывать свои чувства.

Несрин немного отдохнула на тахте и ушла. Назан осталась одна. Она прижала разгоряченный лоб к оконному стеклу и с грустью смотрела на пустынную улицу. Облака, затянувшие небо, спустились совсем низко. С каждой минутой становилось темнее. По телу Назан пробежала дрожь. Она набросила на плечи старый шерстяной платок. Да есть ли, по крайней мере, у тетушки уголь? Оказалось, что угля не было. «Пожалуй, надо сходить в лавку. Это ведь совсем близко, сразу за углом», — припомнила Назан и, набросив чаршаф, взяла угольную корзинку.

Едва она успела выйти за порог, как буквально лицом к лицу столкнулась с Сами. Назан так и отпрянула: «О аллах, откуда же он взялся?» Сами вплотную приблизился к растерявшейся женщине и, наклонив голову в лихо надвинутой феске, с улыбкой проговорил:

— Простите, Назан-ханым, Несрин еще у вас?

Сами хорошо знал, что ее здесь нет — видел своими глазами, как она уходила.

— Она уже ушла, — ответила Назан, задрожав, словно ее застали на месте преступления.

— Не можете ли вы рассказать поподробней, какой диагноз поставил доктор...

— Но почему вы не спросили об этом у нее самой?

Сами понял, что его поймали, и рассмеялся:

— Не догадался!

На пустынной улице появилось несколько теней в чаршафах и теплых шалях. Назан заволновалась еще больше. О, это все были мастерицы делать из блохи верблюда!

— Извините, я спешу — мне нужно купить уголь.

— Такая очаровательная женщина должна тащить в своих нежных ручках корзинку с углем! Уму непостижимо! Я был совершенно потрясен, что вы живете в такой развалюхе, а тут еще уголь!..

Назан дрожала от волнения. Было просто невыносимо стоять рядом с Сами на глазах у всех, но она не знала, как уйти. В голове беспорядочно теснились обрывки мыслей: муж... ребенок... Несрин... тетя... соседи... Более всего ее тревожила мысль о Несрин. Если слухи дойдут до больной, несчастной женщины, она будет очень страдать. Вдруг Сами скажет, что Назан сама его пригласила?

Назан похолодела от одной мысли об этом.

— Сами-бей! Умоляю вас, не говорите Несрин, что вы были здесь, — прошептала она чуть слышно.

Но тот понял эту просьбу по-своему.

— Ну что вы! Не беспокойтесь, дорогая! Разве можно кому-нибудь рассказывать о наших отношениях?

— О наших отношениях? — даже вскрикнула Назан. — Каких отношениях?

— То есть я хотел сказать, что...

— Нет, нет! Между нами нет и не может быть никаких отношений!

Сами не успел ничего ответить, потому что молодая женщина уже бежала через дорогу, размахивая угольной корзинкой. Ее черный чаршаф развеялся на ветру. Она совсем запыхалась, пока достигла лавки угольщика Касыма.

— Это корзинка матушки Алие, — сразу узнал черномазый угольщик. — А ты кем ей доводишься?

— Племянницей.

— А-а-а! Та самая, что развеялась с адвокатом?

В их квартале все говорили об этом.

— Да, но к весне я снова вернусь к нему, — пролепетала Назан.

— А ребенка ты им оставила?

— Он со свекровью и с мужем.

— Эх, дитя мое! — вздохнул угольщик. — Все говорят, что тебя обманом выкурили из дому. Женщина неразумная! Ну кто же бросает ребенка, свои вещи?.. Сколько тебе угля?

— Сколько войдет.

Угольщик наполнил корзинку и поставил ее на большие весы, а Назан с замиранием сердца взглянула на улицу. Слава аллаху — Сами не подошел к лавке. Но у порога собралась уже целая толпа.

ТУРЕЦКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Волк волка не ест.

*

Вместо того чтобы открывать рот,
открой глаза.

*

Вороне ее птенец соловьем кажется.

*

Дерево искривляется в молодости.

Закутанные в чаршафы женщины и любопытные девчонки явно ожидали, когда выйдет Назан. Может, тот мужчина вовсе ей незнаком? Все хотели убедиться, заговорит ли он с ней опять.

— Говорит, говорит, снова говорит, — слышался шепот.

— Да кто же ей этот мужчина?

— И чего тут не знать — любовник ее, стало быть.

— Чей, чей любовник? Дайте-ка взглянуть, — высунулся из двери угольщик.

Посмотрев на Сами, он многозначительно подмигнул женщинам и, проведя запачканной углем ладонью по усам, хмыкнул.

— Теперь понятно, что за птица эта Назан. Наверно, она и там крутила. А то разве адвокат развелся бы с ней?

Вытащив из кармана коробку с табаком, угольщик свернул толстую папиросу. «Раз эта женщина пошла по рукам, так почему бы и мне не попользоваться? Что, у меня меньше монет, чем у тех лоботрясов, которые к ней шляются? И почему к нам повадились чужаки? Неужто в нашем квартале вся молодежь повымерла? Да куда же запропастились Акула Ихсан и Волк Джеляля?»

Рыбак Ихсан появился совсем под вечер, вместе со снегом, падавшим на землю крупными хлопьями. Когда он проходил мимо лавки Касыма, тот выскочил на крыльцо и закричал:

— Боишься войти?

Широкоплечий детина остановился, засунув руки в карманы широких саржевых брюк.

— Видно, тебе мешают рога, — подзадорил угольщик.

— Что? — удивился рыбак, тронув свои усы, которые, словно черный шнурок, пересекали его лицо.

Ихсан вошел в лавку, пододвинул к себе низенькую плетеную скамеечку и сел.

— Дожили мы, что называется, до веселых дней, — проговорил Касым, протягивая ему табакерку. — Племянница нашей матушки Алие начала приводить в дом ухажеров!

Ихсан хорошо знал матушку Алие, но ее племянницу не видывал. На днях он слышал, правда, о ней что-то от Волка Джеляля. Муж у нее вроде адвокат какой-то был...

— У этой женщины, Ихсан, — сказал угольщик, — руки белее хлопка. Как я ее увидел, в голове все закружилось... А какой у нее перстень!

Ихсан спокойно курил. Немного помолчав, он поднял голову и спросил:

— Значит, она привела ухажера?

— Да!

— И он вошел в дом?

— Нет! Они долго стояли под дверью. О чем-то толковали.

— Что за тип?

— Кто? Ухажер? Да вроде из господ. На нем такое пальто — закачаешься!

Ихсан рассвирепел, словно была задета его честь. «Вот это действительно дожили! Стоило уйти на три дня в море, и в квартал повадились какие-то птицы, — распалял он сам себя. — Да перемерли мы все, что ли?» А вслух он сказал:

— Эта матушка Алие только и думает, как бы зашибить деньгу. Она ничем не побрезгует, чертова ведьма!

(Продолжение следует)

Перевели с турецкого
Ю. Плотников и С. Стеркина

ДОРОТИ ХЬЮИТ

Ганская поэтесса

СЛЫШИШЬ, ФЕРВУРД!

Перепуганный голубь
вжимается в кровлю.
Африканское небо
забрызгано кровью.
Это кости хрустят.
Это запахи смерти.
Это ветер
пылинки кровавые вертит.
Это в штреках Кимберли
шахтеры кричат
из глубин рудников,
из грохочущих склепов:
«Здесь алмазы
белее истлевших скелетов,
нами в муках добытые,
кровоточат!»
По расплавленным улицам
пули, как дождь.
Шарпевильские призраки.
Черная дрожь.
Не затем,
чтобы согнуть
в бессильной тоске,
дети Африки встали,
оковы дробя.
Отпечатки их ног
на спящем песке —
видишь, Фервурд! —
кольцом окружают тебя.
По угрюмым дорогам,
где брезжит рассвет,
приближаются люди, —
их кровь горяча! —
чтобы плеть изломать
и отнять пистолет
у тебя —
ненавистника и палача.
Это эхо проклятий
гремит на ветру.
Содрогается небо
над домом твоим.
Слышишь, Фервурд!
За голод,
за каторжный труд,
за расстрелы и пытки
тебе отомстим!
Поднимаются в бой
миллионы людей.
Над погибшими
новый смыкается ряд.
У взлетающих
в алую высь голубей
распростертые крылья
как пламя, горят!

Перевел
Михаил Курганцев